

УДК 261.7

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА П.Н. МИЛЮКОВЫМ СИНОДАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ ПЕТРА I: ПОЛЕМИКА СО СЛАВЯНОФИЛЬСТВОМ

© 2011 г.

А.А. Пешков

Нижегородский государственный педагогический университет

alekse-peshkov@yandex.ru

Поступила в редакцию 8.06.2011

Рассматриваются основные направления в оценке синодального периода в отечественной науке. Анализируется либеральная оценка синодальной реформы в трудах историка и политика П.Н. Милюкова. Особое внимание уделяется его полемике со славянофильской точкой зрения на синодальную реформу. В свете этой дискуссии оценивается либеральный взгляд на исторический путь России. Рассматривается вопрос о влиянии личности Петра I на историю, точнее о его влиянии на естественность хода синодальных реформ. Одним из ключевых элементов указанной полемики является оценка П.Н. Милюковым реформы церковно-государственных отношений в синодальный период.

Ключевые слова: синодальный период, синодальная реформа, роль личности в истории, исторический путь России, церковно-государственные отношения.

Антиномия «Восток – Запад» была предметом оживленных философских споров в России XIX века. В рамках этих дискуссий ставились, в частности, вопросы о применимости европейского опыта для решения внутренних и внешних проблем отечества, обсуждались задачи исторического развития империи, ее роли и места в историческом процессе.

Сама эта бинарная проблема приобрела остроту и популярность с выходом в 1836 г. знаменитого «Философического письма» П.Я. Чадаева, в котором он осмысливал проблему «Россия – Европа». Парадоксальным образом решение вопроса о будущем России стали искать в ее прошлом – в его оправдании или забвении.

Ко второй половине тридцатых годов западнический и славянофильский подходы к вопросу о месте России в истории, о ее национальной и культурной идентичности уже заявили о себе. Тем не менее процесс вызревания комплекса философских, общественно-политических и историософских идей западников и славянофилов связывается историками с публикацией в 1836 г. в журнале «Телескоп» письма басманного философа. Письмо послужило катализатором для кристаллизации взглядов тех, кто был не согласен с нигилистической оценкой истории России на пути всемирного исторического процесса.

Следует отметить, что суть расхождения западников и славянофилов полагается не только в контексте отрицания исторического

прогресса России и даже не в приверженности Западу или любви к славянам – основное различие касается самого взгляда на историю: «Славянофилы – это то направление русской мысли, которое вернуло ей теоцентричный тип мышления... Все происходящее в земной жизни рассматривается с позиций Жизни Вечной. Для западников же, при всех их колоссальных различиях, было характерно антропоцентричное мышление. То есть в основе всего – человек, причем не в вечной, а в земной перспективе» [1, с. 63]. Иными словами, смещение парадигм в оценке прогресса с духовных критериев на рациональные и прагматические в лагере западников породило славянофильскую реакцию.

Двойственность исторического содержания России, которую с разными оценками усматривали и славянофилы и западники, была заложена реформами Петра I. Его реформы настолько изменили исторический облик государства, что спор об их значении, по словам А. Шмемана, стал основным вопросом русской мысли [2, с. 378–379].

Для либералов-западников эти реформы были подготовлены предшествующей эпохой и закономерно разрешились в деятельности Петра Великого. Славянофилы же, признавая историческую необходимость петровских преобразований, отмечали насильственный характер проводимых реформ, которые подорвали возможность особого пути исторического развития России, разобщили сословия, стали виновником

сословной вражды, ранее неизвестной русскому обществу.

Разница в оценках исторического пути России касалась акцентов, которые ставили славянофилы и западники. Первые акцентировали внимание на религиозном и национальном моментах, вторые обращались больше к «экономическим и политическим реалиям западноевропейских стран и России» [3, с. 73]. Отказ от духовных корней России, связанных с Православием, решительный поворот к секулярному Западу, который транслирует иную духовную традицию, был чужд славянофилам. Либералы-западники же отрицательно оценивали роль Русской Православной церкви в истории России. По их мнению, она сыграла роль тормозящего фактора в развитии государства.

Идейные противники славянофилов неоднократно заявляли о преодолении взглядов славянофильства, о том, что этот спор уже устарел. Но, несмотря на эти заявления, славянофильские идеи и в следующие периоды отечественной истории продолжали изживаться западничеством. Таким примером позднего опровержения славянофильства был профессиональный историк, один из ярких представителей западничества, существовавшего на стыке эпох, бессменный лидер партии кадетов Павел Николаевич Миллюков, утверждавший, что славянофильство «умерло и не воскреснет» [4, с. 96]. И хотя его полемика направлена против эпигонов славянофильства, под настоящим адресатом угадывается раннее славянофильство, а точнее А.С. Хомяков. Во многом Миллюков основывает дискуссию на анализе оценки личности Петра и его роли в становлении российской национальности.

В наши дни славянофильские идеи продолжают оплодотворять философскую мысль. В новых реалиях отечественной истории «устаревшая» критика дает свежие импульсы для обновленного взгляда на судьбы России. Таким образом, анализ идейного наследия П.Н. Миллюкова не только позволяет определить место славянофильства и неославянофильства в оценке позднего западничества, но и увидеть, насколько была преодолена идея национальной самобытности А.С. Хомякова в теориях западнического направления, сформировавшегося на стыке эпох.

Исторические взгляды П.Н. Миллюкова во многом раскрываются исходя из неприятия позиции славянофилов. При этом сам себя он не спешит причислять к западникам, дистанцируясь от тех и от других, считая этот спор 40–70-х годов устаревшим. Но, несмотря на эти заявле-

ния, сам Миллюков позже признается, что еще с гимназической скамьи причислял себя к противникам славянофильства и к сторонникам прозападнических идей.

Так, кружок гимназистов, куда входил юный Павел, поручил ему написать письмо Ф.М. Достоевскому по поводу событий в Охотном ряду в 1876 г. Ответ Достоевского, призывавшего в поиске выхода обратиться к русскому народу, «в котором наше спасение», а не к Европе, разочаровал гимназистов. Еще более поразило «резкое противопоставление народа Европе». «Мы не знали, – вспоминал П.Н. Миллюков, – что Достоевский смирился перед тем народом, который он узнал на каторге, признав его богоносцем, и что в бессознательном православии русского народа он видел его всемирную миссию. Как быть насчет православия мы не решали, но Европы мы выдать не могли – и не только не видели никакого противоречия между народом и Европой, но, напротив, от Европы ждали поднятия народа на высший культурный уровень. А Достоевский призывал искать идеал в традициях Охотного ряда и возвращаться к временам телесных наказаний и крепостного права, как к школе смирения русского народа перед Христом» [5, с. 62–63]. Конечно, в такой оценке позиции Достоевского много упрощения, но интересно, что она была охарактеризована кружком как реакционная, что «это то же самое, что пишет Катков в «Московских ведомостях».

Больше всего славянофильство критиковалось Миллюковым за идею «неподвижной самобытности» русского народа. По его мнению, культурно-исторические типы – не более чем вехи на историческом пути всех народов. Отвергает он также и взгляд славянофилов на общину как на выражение русской идеи: община, в его понимании, – это тот естественный процесс закрепления крестьян помещиками, а не проявление народного духа. П.Н. Миллюков считал, что существует общность хода исторического процесса как в целом, так и в развитии его отдельных факторов. В основе всех национальных историй он признавал «общие социологические законы» и в «бесконечном разнообразии национальных существований» видел сходные и общие всем им «элементы социального развития».

Миллюков, лидер партии кадетов, полагал, что не относится к чистым западникам, и определял себя как «попорченного “семидесятника”». Он считал, что его философская схема исторического процесса – «вечный круговорот в истории человеческих обществ» – не уместается

в рамки чистой либеральной догмы. Тем не менее по своим взглядам на исторический путь России П.Н. Милюков – очевидный западник, считавший, что европеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый по существу для России и Европы, но лишь сдержанный условиями среды. Он полагал, что наше место в Европе, а не в Азии [6, с. 172].

Новое течение в среде либералов-западников в оценке реформы Петра I Милюков связывал с именем Вл. Соловьева, определявшего реформы «не как заимствование извне, наложенное могучей волей сверху, а как неизбежный и естественный фазис русской истории, органически связанный со всем ходом исторического процесса» [там же, с. 174]. Впрочем, Милюков указывает и на недостатки подхода Соловьева, которые, по его мнению, заключались в недооценке самобытных, специфических черт русского исторического процесса.

Этот тезис Вл. Соловьева П.Н. Милюков усваивает достаточно рано, еще с университетской скамьи. В своей кандидатской диссертации он стремится показать подготовленность, органичность Петровской реформы предыдущим развитием. Здесь он вступает в полемику с взглядом славянофилов, представлявшим действие личности Петра I «как элемент насилия над нормальным ходом русской истории». Диссертант сам элемент насилия не отрицал, признавал Павел Николаевич также, что личность Петра ускорила реформу. Поэтому основной задачей работы он ставит необходимость выделить элемент органичности реформы и элемент насилия и определить степень влияния последнего на ход истории, разграничив при этом элемент необходимого и элемент случайного. «Меня потом упрекали, – писал Милюков, – в умалении роли Петра, не понимая моей основной цели – стать при оценке реформы над упрощенным, ставшим банальным противопоставлением неподвижной самобытности – и насильственной ломки» [5, с. 139].

В контексте этого постулата Милюков утверждает, что сфера влияния Петра была весьма ограниченной; реформы разрабатывались коллективно, а конечные цели преобразований осознавались царем лишь частично, да и то опосредованно ближайшим окружением.

При осмыслении степени самостоятельности Петра в реформаторской деятельности Милюков акцентирует внимание на одиночестве Петра при проведении реформ. В доверительной беседе с датским посланником Юлом Петр признавался, что успехи западных государей во

многом обязаны прогрессивному окружению. П.Н. Милюков делает вывод, что это лишь усилило печать индивидуальности, наложенной Петром на реформу. Впрочем, из содержания самой политики Петра этот разговор представляется лишь бравированием.

Подобная идеализация образа первого русского императора, связанная с усилением слабости его государственного аппарата, выгодна была Милюкову для центральной мысли работы: насильственный характер хода реформ полностью подчинен внешним условиям.

Исходя из описания Петра, представленного самим Милюковым, складывается иное впечатление. Не слабость окружения и незрелость кадров, что гармонировало бы с общей картиной Милюкова, были причиной реформаторского одиночества Петра, а его природное недоверие к окружающим, выражающееся, в том числе, в недоверии к их способностям и методам решения задач. В людях Петр ценил прежде всего преданность, ни на один ответственный пост он не ставил действительно подходящих людей, а «назначал фигурантов, ничтожества, не имевших никакого понятия о деле, которое должны были делать». Уравновешивая ситуацию, Петр приставлял к ним опытных иностранцев, специалистов, «которые собственно и делали дело» [7, с. 149–150]. Такой тиранизм Петра привел его к «необходимости за всем следить самому», отчего реформа, по словам Милюкова, во многом отражала характер и знания самого царя-реформатора.

Следующий тезис, который выдвигает лидер кадетов в защиту естественного хода реформ, – спонтанность петровских преобразований. По мысли Милюкова, в реформе Петра Великого отсутствовал единый план и система, Петр не всегда знал конечный итог своих преобразований, а значит, не мог совершить и идеологического насилия. «Другими словами, личное его влияние на реформу сильно сокращалось в размерах при этом условии» [5, с. 163]. Одновременно с этим Милюков делает вывод, что если «в этой примитивной натуре не было твердого скелета мысли, то... не было и доктринерства», т.е. реформа естественна и не является результатом личного теоретизирования царя.

Подобная постановка представляется примитивизацией вопроса или уходом от него, поскольку отсутствие плана или системы в действиях императора Петра не исключает слепого, бездумного копирования, а значит и элемента насильственной ломки национальных традиций.

Тем не менее, на протяжении ряда страниц своей работы Милюков старательно изображает

политические просчеты и прожекты Петра, «черты, которые напоминают расточительность природы в ее стихийном творчестве, а не политическое искусство государственного человека» [там же].

Следующим утверждением Милюков пытался парировать критику Хомяковым сословного раздора, который допустил Петр, собрав вокруг себя элиту и лишив покровительства государя массы. Дворянство же узурпировало эту привилегию, «разлучило простой народ с царем» и разрушило соборные принципы развития государства. Подобная оценка негативной роли Петра I и идея самобытности народных начал приводят А.С. Хомякова к утверждению: прежний уклад сохранился в низших сословиях – народе, новый вестернизированный уклад охватил высшее сословие, стал воплощаться в образовании, администрировании, государственности и т.д. Как следствие – «разрыв в умственной и духовной сущности России... между ее самобытной жизнью и ее прививным просвещением» [8, с. 33]. Перенесение на русскую почву иностранных порядков привело к расколу, разорвало общество на антагонистические группы, оторвало привилегированные слои от народа.

П.Н. Милюков говорит об отсталости России, неподготовленности масс к общению с Европой. Петру I «пришлось» спешно окультуривать народные массы. Поскольку же в рамках страны в короткое время с этим не справиться, то окультурены были только социальные верхи. Милюков признает, что это было началом отделения массы от правящих групп. Однако единство еще сохранялось, поскольку «все происходило в пределах одного и того же религиозного миросозерцания» [там же].

Настоящее же разделение, поразившее российское общество после Петра I, Милюков видит в церковной реформе патриарха Никона [9, с.148]. Поскольку церковная реформа проводилась административными методами при поддержке правительства, подозрение народа обратилось на правительство. «Все, что было в народе искренне верующего, ушло тогда из правительственной обновленной церкви в “старую веру”, которую *новая церковь* (выделено мной. – А.П.) поспешила объявить расколом (схизмой)» [6, с. 182]. Как видим, ради доказательства, что даже синодальная реформа – дело допетрово, Милюков переиначивает события.

Негативная оценка Милюковым синодальной Церкви видна во многих его работах. Церковь для него – послушный «цепной пес» реак-

ционного правительства. В свою очередь, он идеализирует среду раскола: там искренне верующие, живой дух, народная совесть и т.д. Более того в среде раскола продолжались некоторые проявления юного национального искусства, которые «господствующая церковь не только не поощрила, но отнеслась к ним подозрительно и осудила их» [там же, с. 186].

Еще до Петра, вместе с раскольниками «живой дух ушел из *официальной церкви* (выделено мной. – А.П.)» [там же, с. 183], т.е. порабощение Церкви государству произошло задолго до синодальной реформы, и в этот кульминационный момент и явился Петр. Верхи общества и высшее духовенство в схеме Милюкова уже оторвались от народа, и там образовалась культурная пустота, «которая получилась вследствие ухода паствы от пастырей». Поэтому, считает Милюков, «смелая реформа церкви – на протестантский манер», далась Петру так легко.

Именно раскол Милюков называет первым этапом возникновения официальной веры в противовес вере народной. Это «торжество официальной веры над народной» он оценивает как победу еще за полвека до Петра критических элементов над националистическими, «это была победа бюрократической канцелярии над народной психологией». Правительство приняло точку зрения иностранцев, «киевлян и греков, и вслед за духовной властью, объявившей русское национально-религиозное движение расколом и проклявшей его, – со своей стороны объявило участие в этом движении государственным преступлением, подлежащим каре светского закона» [там же, с. 144].

Таким образом, никоновский раскол, по мысли П.Н. Милюкова, внес раздвоение в народное сознание, «совесть была сломлена». Бюрократия, высшее духовное и светское чиновничество были в полном распоряжении Петра. Разделение общества на социально-неравные группы и религиозная реформа на протестантский манер с последующим обмирщением были заложены в обществе еще задолго до Петра и, следовательно, стоят в русле эволюционного национального процесса. В этом смысле, делает вывод Милюков, синодальная реформа происходила в русле традиции, направлялась на ее развитие и была «глубоко национальна, как национален был и сам Петр» [там же, с.185].

Однако в оценке данного вывода бессменного лидера партии кадетов следует учитывать, что реформы патриарха Никона протекали в плоскости одного религиозного ми-

ровоззрения и одной вероучительной традиции, в то время как реформы Петра Великого проистекали из других религиозных истоков – протестантизма и привносили на российскую почву чуждые начала.

Тем не менее Милюков очень часто подчеркивал, что реформа Петра не встречала оппозиции, мотивируя это тем, что не могли бы так легко осуществиться и так долго существовать плоды реформы, если они сталкиваются и идут вразрез с существующей национальной традицией. Если бы, считает Милюков, Петр I действительно оказался таким насильником, каким его изображают противники, то реформа не уцелела бы: «То обстоятельство, что она уцелела и развилась после него уже не насильническим, а добровольным методом, само по себе доказывает, что европейский путь не был чужд России» [там же, с. 191].

В оценке результатов, к которым приходит Милюков, следует учитывать, что источники, которые он анализировал, немногочисленны, и большинство из них отражают точку зрения «просвещенных» иностранцев, а не наших соотечественников, что, несомненно, сужает объективность его выводов. Кроме того, исследователи творчества лидера партии кадетов не только отмечают его частое стремление к схематизации и упрощению, что признавал и сам П.Н. Милюков, но, более того, выявляют передергивание фактов и даже подлог [10, с. 13].

Впрочем, можно еще согласиться с Милюковым, где он рассуждает о необходимости внешних реформ в их подражательной форме, в сфере армии, флота, экономики. Но при этом следует учитывать, что мы не знаем другого варианта реформ, чтобы в сравнении с ними сделать вывод об их идентичности нуждам времени и народным ожиданиям. В вопросе же соответствия религиозной и культурной реформ Петра национальным традициям требуется большая обоснованность и проверка современностью. Религиозная традиция и культура не возникают на пустом месте, и там, где мы говорим об их возникновении, происходит культурный и духовный слом. Насколько это оправдано, показывает история. Ко времени деятельности Милюкова социальный и духовный упадок были очевидны, поэтому ответственность за эту сферу деятельности Петра I он возлагает на его предшественников. Впрочем, П.Н. Милюков сам признает, что реформа Петра подготовлена «всем прошлым развитием России, и, составляя логический результат этого развития, ... и при нем еще не находит достаточной почвы в русской действительности, а потому и после Петра

во многом надолго остается формальной и видимой» [11, с. 494].

Ломку национальных традиций П.Н. Милюков находит не в деятельности Петра Великого, а в церковной реформе патриарха Никона, которая разделила российское общество на раскольников, сохранивших национальный дух, и правительственную церковь. К моменту прихода Петра к власти высшее общество и духовенство, по мнению Милюкова, уже оторвались от народа. Таким образом, разделение общества на социально-неравные группы и религиозная реформа на протестантский манер с последующим обмирщением были заложены в обществе еще задолго до Петра и, следовательно, стоят в русле эволюционного национального процесса. Однако представляется неправомерным сравнивать результаты религиозных реформ Петра I и раскола при патриархе Никоне, поскольку последний происходил внутри единого религиозного мировоззрения, а реформы Петра происходят в рамках двух различных вероучительных традиций – православия и протестантизма.

Таким образом, в своей оценке исторического развития России П.Н. Милюков выступает как западник и критик славянофильства. С позицией западников его роднит тот взгляд, что европеизация для России – естественный продукт внутренней эволюции, общей для России и Европы. Больше всего вызывала критику у П.Н. Милюкова славянофильская идея «неподвижной самобытности» русского народа. Однако излишняя схематизация истории и, как нам представляется, стремление достичь уже заданных выводов не позволили лидеру партии кадетов быть более последовательным и непротиворечивым в оценке исторического прошлого России. Идейный ход его противников, и прежде всего А.С. Хомякова, который в своих оценках исторического пути России шел от ее прошлого к настоящему, представляется более органичным, чем путь профессионального историка и политика П.Н. Милюкова, оценивавшего прошлое своего отечества, исходя из исторических идеалов современности.

В современной православной традиции закрепились негативная оценка синодальной реформы: критически оценивается ее влияние на духовно-нравственный уровень общества, слом традиционной культуры и искажение церковно-государственных отношений. Что касается философской мысли, то и она от прежних, решительно положительных оценок синодальной реформы Петра переходит к более сдержанным позициям.

Список литературы

1. Пивоваров Ю.А. Вечный спор. Западники и славянофилы // Фома. 2009. № 7 (75). С. 63–68.
2. Шмеман А. Исторический путь Православия. Париж: YMCA-PRESS, 1989. 389 с.
3. Габидулина Н. Либерализм в России (историко-философский анализ) // Вестник высшей школы. 1992. № 7-9. С. 71–76.
4. Милоков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев // Вопросы философии и психологии. М., 1893. Т. IV, кн. 3 (18). С. 46–96.
5. Милоков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. Нью-Йорк: Изд. имени Чехова, 1955. 438 с.
6. Милоков П.Н. Петр Великий и его реформа // История и историография России. Антология русского зарубежья. Т. III. М.: Русский мир, 2006. 560 с.
7. Милоков П. Очерки по истории русской культуры. СПб. 1909. Ч. 3. 442 с.
8. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. В 8-ми тт. М.: 1900. Т. 1. 417 с.
9. Вандакковская М.Г. П.Н. Милоков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992. 285 с.
10. Филин М.Д. От составителя / П. Милоков. Живой Пушкин. М.: Эллис лак, 1997.
11. Милоков П.Н. Петр I Алексеевич Великий / ЭСБЕ. СПб., 1898. С. 487–495.

**P.N. MILYUKOV'S LIBERAL ASSESSMENT OF THE SYNOD REFORM OF PETER I:
A DEBATE WITH SLAVOPHILISM**

A.A. Peshkov

The main trends in the characterization of the synodal period in the national science are considered. The liberal estimation of the synodal reform by the historian and politician P.N. Milyukov is analyzed. The special attention is paid to his controversy with slavianophils' attitude towards the synodal reform. In light of this controversy the liberal view of the Russia's historical road is estimated. The problem of Peter the Great's influence over the natural course of the synodal reform, treated by P.N. Milyukov and A.S. Khomyakov, is overviewed. One of the key questions in this debate is the Church-State relationship during the synodal period.

Keywords: synodal period, synodal reform, individuality in history, historical road of Russia, Church-State relationship.